

**МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ**

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**ПИРАТЫ
ЗНАЙТЕ РУССКИХ!**

Пираты

Сергей Зверев

Знайте русских!

«ЭКСМО»

2010

Зверев С. И.

Знайте русских! / С. И. Зверев — «Эксмо», 2010 — (Пираты)

Сомалийские пираты коварны и хитры, как акулы. Если они не могут взять силой, то берут обманным маневром. Для захвата российского малого десантного судна «Резвый», который дежурил в районе Африканского Рога, они применили наживку – переодели своего главаря в рясу православного священника, а сами выдали себя за дружелюбных крестьян... В результате корабль был захвачен практически без единого выстрела. Но пираты не знали одной существенной детали: в момент abordаж на судне отсутствовали два члена экипажа. Причем не простые матросы, а морские пехотинцы. Бойцы ненадолго отлучились на рыбалку и в число пленных не попали. А два морпеха – это уже серьезно...

© Зверев С. И., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Знайте русских!

Глава 1

Склянки на малом десантном судне «Резвый» только-только отсчитали восемь часов утра, а тропическая жара уже торопилась показать свою прыть. Солнце раскалило железные борта так, что до металлических частей тяжело было дотронуться; к обеду корабль превратится в настоящее пекло.

Собственно, тропиками Аденский залив назвать было трудно, и экипаж «Резвого» называл так скорее жару, чем свое местоположение.

Корабль Тихоокеанского флота уже почти месяц выполнял боевую задачу в районе Африканского Рога, периодически курсируя между Сомали и Йеменом, обеспечивая охрану гражданских судов от нападений сомалийских пиратов. Сейчас судно медленно дрейфовало в нескольких десятках миль от Джибути.

– Товарищи офицеры! – громко подал команду старший помощник, оповещая подчиненных о том, что на мостик поднимается командир. Офицеры встали по стойке «смирно».

– Вольно, – произнес командир. – Ну, что там, Иван Валентинович? – поинтересовался он, принимая из рук старшего помощника бинокль.

– Да вот, хренотень какая-то, – пожал плечами капитан-лейтенант, глядя на море из-под приставленной козырьком ко лбу руки, – шлепает точно в нашу сторону.

– Может, пираты? – предположил командир.

– Да нет, Александр Владимирович, не похоже, – ответил старпом, – слишком медленно идут. Да и орудуют они южнее. Сами знаете.

– Знаю, – согласился командир, – только кто ж их знает, что им в голову придет? Раньше шустрили только у побережья, а теперь, вон, чуть ли не на двадцать миль в океан забираются. Что там по сводкам?

– Только что закончили сеанс дежурной связи с флагманом, – ответил старший помощник, принимая листок бумаги из рук дежурного радиста. – По этим данным, никаких гражданских судов в этом квадрате в ближайшие двое суток не ожидается.

– Поп, – удивленно-растерянно вдруг произнес командир, еще более пристально вглядываясь в море.

– Что? – не понял старший помощник.

– Честное слово – поп! – повторил командир, не отрываясь от бинокля.

Старший помощник нетерпеливо схватил еще один оптический прибор и направил его на неторопливо приближающуюся кавалькаду.

Зрелище и в самом деле представлялось весьма своеобразным. На носу небольшого катера, идущего под эфиопским флагом, и в самом деле стоял облаченный в рясу самый настоящий священник, только чернокожий. В поднятых над головой руках он держал какой-то предмет, очевидно, религиозную реликвию, рассмотреть из-за расстояния было пока что невозможно. В самом катере толпилось еще десятка полтора церковников рангом пониже, а сопровождали их шесть лодок, в которых зулусы плавали у берегов, наверное, еще во времена Колумба. В пирогах сидели такие же, как на книжных картинках, черные воины, разукрашенные перьями и размалеванные самым невероятным образом. Несколько человек били в барабаны, задавая гребцам нужный ритм, клирики гундосили какую-то заунывную мелодию, а гребцы дружно бормотали нечто, напоминающее реперские отстойные мелодии. И весь этот

разношерстный кагал двигался прямо в сторону российского судна с явным намерением вступить в контакт.

– Иван Валентинович, – озабоченно поинтересовался командир у своего старшего помощника, – у нас на борту, случайно, бус стеклянных нету?

– Никак нет, – старпом растерянно пожал плечами. – Могу, конечно, спросить у боцмана, но вряд ли. А зачем?

– Жаль, – разочарованно произнес Александр Владимирович, – сменяли бы у них на что-нибудь ценное. Слоновий бивень или еще что. А так – что теперь с ними делать? – Он кивнул на странную делегацию. – Ведь подарков потребуют однозначно. Иначе какого рожна переться в такую даль, а?

– Не знаю, – озадачился старший помощник, – только я так думаю, что это не торговцы-папуасы. Выглядят, конечно, очень похоже, но сейчас все-таки на дворе двадцать первый век. Это, скорее, представители какой-то религиозной ветви христианства. Только на кой ляд им понадобился крестный ход посреди моря, да еще к нашему кораблю, – ума не приложу.

– Я тоже, – согласился командир. – Что будем делать?

– Думаю, надо смотреть по обстоятельствам. – Старший помощник начал излагать свои соображения: – Эфиопия – страна дружественная, не пиратская. Мы даже когда-то воевали за их независимость. Может, увидели наш флаг и теперь в знак благодарности везут нам что-нибудь.

– Ага, щас, – усмехнулся командир.

– А что? – не унимался Иван Валентинович. – Может, это какой местный вождь, который лет пятнадцать назад окончил наш Университет имени Патриса Лумумбы? Эфиопов там много училось. Вот теперь и хотят отблагодарить, пообщаться. Или просто споют нам серенады под бортом и мирно удалятся. Посмотрим, что им надо.

– Только бы не стали проситься на корабль, – тоскливо произнес командир. – Разбредутся, забьются по щелям, собирай их потом полдня...

И флотское командование, и Совет Безопасности ООН предписывали вести себя с пиратами максимально жестко, в случае малейшего сопротивления уничтожать без сожаления. А вот как поступать с гражданским населением, вроде того, что сейчас направлялось к «Резвому», – это уж на свое усмотрение. Понятное дело, что ни пираты, ни тем более гражданские военному кораблю страшны не были, поэтому принимать местные делегации или гнать их взащей решали командиры исходя из полученных инструкций. Указания же насчет того, как следует вести себя с местным населением, Александр Владимирович Демьянков получил еще во Владивостоке – максимум дружелюбия и приветливости.

Российский флот стал только-только возвращаться на просторы Мирового океана, и портить свою репутацию непредвиденными эксцессами или конфликтами командование не хотело.

Меж тем «крестный ход» остановился под самым бортом российского судна и заголосил в несколько десятков глоток, жестами прося разрешения подняться на борт «Резвого».

– Леший с ними, – махнул рукой командир, – поиграем с ними минут двадцать в «твоя моя не понимай» да отправим восвояси. Иван Валентинович, – обратился он к старшему помощнику, – поспрошай там у команды каких-нибудь значков. Вроде – «За дальний поход», «Отличник ГТО», ну, и в том же духе. Вернемся домой – я им новых надаю. Скажи, шибко надо для братских эфиопских гостей.

Он еще раз с тоской посмотрел на суетливо гомонящую чернокожую публику и обернулся к дежурному офицеру:

– Давай, спускай адмиральский трап, – командир кивнул в сторону незваных гостей, – и через пять минут строй команду по «Большому сбору». Форма одежды – рабочая. Будем

оказывать заморским святошам знаки дружелюбия и воинских почестей, но без излишнего энтузиазма. Нечего баловать. А то прикормишь раз, потом не отвяжешься...

Глава 2

– Ну, что там? – вяло поинтересовался Пантелей, медленно опуская за борт транспортера небольшую рыбацкую сеть. – Случилось чего?

– Никак нет, товарищ старший сержант, – отрапортовал его лопоухий напарник, глядя в бинокль на корабельного сигнальщика, – спрашивают, когда возвращаемся.

– Во как братву достали сушеные концентраты, – усмехнулся Пантелей, поглядывая на подрагивающие на мелкой ряби поплавки. – Не успели отойти, а уже подавай им к столу свежую рыбку. Семафорить умеешь?

– Так точно, товарищ старший сержант, – бойко отозвался подчиненный.

– Тогда ответь, что сеть только что поставили. Протралим, и с добычей домой. Через часик пусть ждут. – Закончив установку, он глянул на часы, потянулся и широко зевнул: – Мать честная, только начало девятого, а жарница стоит, как у нас в середине июля. Даже похлеще.

– Это все из-за близости Аравийской пустыни, – поддержал беседу рядовой Курочкин, закончив семафорить. – Это у нас северный ветер – холодный, из арктических широт, а здесь наоборот – горячий.

– Слышь, ты, профессор, я тебя спрашивал?

– Никак нет, товарищ старший сержант, – смутился подчиненный.

– Ну так и помалкивай, – посоветовал Пантелей, – дембель сам знает. А когда надо будет, спросит. Понял, салабон?

– Так точно.

– Ладно, земля, устраивайся, загорай, – смягчился Пантелей, – нам тут еще не меньше часа болтаться. Можешь прикемарить.

– Я спать не хочу, – бодро отозвался Курочкин.

– А я вот, когда был «духом» вроде тебя, только о том и думал, как бы урвать для сна минут триста. Это вам сейчас лафа, а нас дрючили... – Пантелей выпятил нижнюю губу и покачал головой, что должно было означать нечто вроде: «Не приведи господи!»

– Товарищ старший сержант, а почему одни называют вас «дембель», а другие – «гражданский»? – поинтересовался Курочкин, воспользовавшись добродушным настроением Пантелея.

– Ты сколько служишь? – насмешливо поинтересовался Пантелей.

– Почти четыре с половиной месяца, – тихо ответил Курочкин.

– Для тебя, Гриша... Как тебя по отчеству?

– Сигизмундович, – еще тише отозвался Григорий.

– Так вот, – продолжал Пантелей, – для тебя, Григорий Сигизмундович, как для земляка, сделаю исключение и поясню, хотя другой на твоём месте за подобное незнание уже давно получил бы в ухо. Ты, Гриша, где служишь? – поинтересовался Пантелей.

– В морской пехоте, – бодро откликнулся рядовой.

– Главное слово тут какое? – снова спросил старший сержант.

– Пехота, – без запинки отчеканил Курочкин.

– Молодец, – похвалил земляка сослуживец, – сразу видно – из интеллигентной семьи.

Не то что я. И ты, Курочкин Григорий Сигизмундович, и я, Максаков Пантелей Филиппович, служим в пехоте. Называть себя можно как хочешь: морская или, вон как десантура придумала, – крылатая, – Пантелей саркастически улыбнулся, – а все одно – это пехота. Звания у нас, как в пехоте, сроки службы и все такое прочее – как в пехоте. Ну разве что с небольшими особенностями, – пояснил он, поудобнее устраиваясь на небольшом куске брезента. – Моряки – каста особая. У них все по-другому, не как у нормальных людей. Служат подольше, потому и названия другие. У нас ты, скажем, «дух», а у них был бы карась, потом подгодок, годок, пол-

торашник, ну, и так далее, пока не дорос бы до высшей ступени воинской иерархии – «гражданского», что по-нашему означает – «дембель». Поскольку мы с тобой сейчас несем службу на борту малого десантного судна, где экипаж состоит из моряков, то они из уважения ко мне называют меня на свой манер – «гражданский». А для своих я – «дембель». Понятно?

– Так точно, товарищ старший сержант, – Курочкин усердно кивнул.

Произнеся свою тираду, в которой многократно упоминались столь сладкие уху Пантелея слова «дембель» и «гражданский», старший сержант улыбнулся.

– Еще месячишко, и – домой, в Мурманск... – мечтательно проворковал он. – Достала меня эта Африка, это пекло, эта рыбалка... Как ни крути, а дома лучше.

– Товарищ старший сержант, а вы почему на Тихоокеанский флот попросились? – в очередной раз поинтересовался неугомонно-любопытный Григорий Курочкин. – Обычно все дома остаются, на Северном.

– А на фига мне это надо? – удивился Пантелей. – Я что, севера не видел? Или не знаю, что такое полярная ночь? Коль уж загремел на флот, так хоть на такой, где мир повидать можно, косточки под африканским солнышком погреть. Это я сейчас так пою о родном Мурманске, только не такой уж он и приветливый, сам знаешь.

– Так точно, – согласился Гриша.

– Вот ты до службы много в своей жизни стран повидал? – глянул на подчиненного Максаков.

– Пока что ни одной, – ответил Григорий.

– И я ни одной, – сознался старший сержант, – и вряд ли повидать после службы. Осяду на каком-нибудь заводе, женюсь, детишки, пиво. И – все, прощай жизнь. А так у меня это четвертый поход. И повидал я страны от Южной Америки до Азии и Индии. Теперь вот Африку погляжу. Хоть будет что вспомнить. А вот тебя каким ветром сюда занесло?

– Я хочу стать гидробиологом, – нехотя ответил Курочкин, немного смущаясь за свой выбор.

– Кем?

– Моря изучать, жизнь в них...

– Наши северные, значит, уже изучил, – предположил Пантелей, – теперь решил перебраться, где потеплее?

– Ну, можно сказать, что и так, – согласился подчиненный.

– Ну, земля, так ты тоже романтик? – насмешливо поинтересовался Максаков и, не дожидаясь ответа, сообщил: – Только вот выбор твой очень неудачный. Сомневаюсь, что морская пехота – это как раз то место, где можно успешно заниматься изучением головастиков. Морская пехота – это...

Несколько длинных автоматных очередей прервали монолог старшего сержанта. Он моментально напрягся и подскочил к борту транспортера.

– Давай к пукалке, – коротко приказал он, старательно вращая головой по сторонам.

Море было чисто.

– Ты что-нибудь слышал? Или мне показалось? – Пантелей глянул на перепуганного подчиненного, вцепившегося в ручки курсового пулемета.

– Вроде стрельба была... – невнятно пробормотал рядовой, подняв и опустив плечи.

– Точно, – согласился Максаков, – и, похоже, со стороны нашего корабля. Больше неоткуда. Может, наши по банкам или бутылкам шмалякают? – предположил Пантелей. – От скуотищи чего только в голову не придет.

– Наверное, – снова как-то зыбко согласился Курочкин, все еще держа пулемет мертвой хваткой.

– Щас зазырим, – уверенно произнес старший сержант, успокаивая себя и подчиненного и прилаживая к глазам мощный бинокль. Однако едва только в поле зрения оптического при-

бора попал «Резвый», как уверенность тут же исчезла с лица морского пехотинца. Представшая его взгляду картина, которую он мог рассматривать в деталях, подтвердила его самые худшие опасения. Вся команда малого десантного судна «Резвый» вместе с приданным взводом морпехов стояла на верхней палубе, высоко задрав руки вверх, а рядом с ними находился с десяток африканцев, облаченных кто в поповскую рясу, кто в какие-то нелепые юбочки из пальмовых листьев и травы. Но, несмотря на весь комизм их одеяния, в руках эти люди держали самые настоящие автоматы, а о серьезности их намерений говорили два трупа – мичмана и старшины первой статьи, – лежащих прямо перед строем пленных моряков. Ясное дело, что внутри корабля тоже шел шмон, и жертв могло быть больше. Наверняка убили и вахтенных, и дневальных, посчитав штык-нож грозным оружием.

Один из нападавших поднял вверх автомат, дал в воздух короткую очередь и указал еще дымящимся стволом на один из отдраенных люков, к которому послушно стали двигаться пленники, по одному скрываясь в утробе «Резвого».

– В трюм загоняют, – тихо прошептал Пантелей.

Он на секунду задумался, быстро отложил в сторону бинокль, кинулся к хозящичку, достал из него два дюралюминиевых весла и, глянув на Курочкина, громко приказал:

– Ко мне, рядовой! Гребни, Жора, – сквозь стиснутые зубы приказал Максаков, вручив одно из весел подчиненному. – Гребни так, чтобы сердце выскакивало, иначе тебе его могут пулькой продырявить, – добавил Пантелей, закрепляя тонким фалом руль. Закончив, он присоединился к подчиненному, размашисто вспенивая воду.

Транспортер стал неспешно удаляться от «Резвого». Руль Пантелей закрепил так, что ПТС двигался прямо на солнце, которое пока еще висело над водой довольно низко. Это был их единственный шанс спастись. Ясное дело, что минут через десять пираты закончат прочесывать корабль, изолируют экипаж в каком-нибудь помещении и вот тогда осмотрятся по сторонам, если уже этого не сделали. И ничто не помешает им разглядеть на море транспортер. Разве что только слепящее глаза солнце. На это и поставил Пантелей, стараясь как можно быстрее оказаться подальше от захваченного корабля.

После пятнадцати минут сумасшедшей гребли, когда мокрым от пота стало все, даже баночка, «Резвый» медленно развернулся и, набирая обороты, стал удаляться в противоположную от транспортера сторону. Пантелей еще минуты две поработал веслами и, только когда окончательно убедился, что их не заметили, коротким выдохом скомандовал:

– Баста... Суши... весла... – Он опрокинулся на спину, жадно глотая ртом воздух. Рядом повалился Курочкин, с такими же, как у Пантелея, выпученными от напряжения глазами. Дыхание, а вместе с ним и мысли постепенно приходили в норму.

– Ну, от пиратов оторвались, – пробормотал старший сержант, немного отдышавшись, – ура-ура. А дальше-то что?

– Надо сообщить кому-нибудь, – резонно предположил Курочкин.

– Надо, – кисло согласился Пантелей. – Только вот сразу возникает несколько вопросов: как? кому? и куда? – Он окончательно пришел в себя, привстал, глянул вслед удаляющейся точке и скептически оглядел транспортер: весла, НЗ, которого, если растянуть, хватит на несколько дней, пулемет и стометровая рыбацкая сеть. Вот и все имущество. Ни рации, ни лодий, горючки тоже немного. А главное – совсем мало воды. Кто же мог предположить, что пиратам вздумается и, главное, хватит наглости и смелости напасть на военное судно? Во-первых, можно запросто и головы не сносить, а во-вторых, на кой ляд его захватывать? Выкуп за него не попросишь, поскольку ничего ценного из себя малое десантное судно не представляет. Да и такая наглость наверняка аукнется такой отдачей, что мало не покажется. Так что себе же дороже. Да и пленные морпехи – люди беспокойные и шепутные. Того и гляди, что-нибудь учудят и церемониться особо не станут.

– Ладно, Жорик, – вздохнул Пантелей, прерывая невеселые мысли, – влипли мы с тобой в историю, теперь давай думать, как из нее выпутаться.

– Товарищ старший сержант, а зачем пиратам понадобилось захватывать военный корабль? – поинтересовался Курочкин, в голове которого роились такие же мысли, как и у Пантелея. – Наш взводный на последнем занятии рассказывал, что они корсарят по точной наводке. Значит, наверняка знали, что на борту морпехи есть. Да и только слепой не различит гражданское и военное судно...

– Что ты прицепился, как мокрая тельняшка к заднице? – зло огрызнулся Пантелей. – Я что, пират? Почему я могу знать, какая моча им в голову саданула? Ты лучше бы подумал, что нам с тобой делать, поскольку сейчас мы есть самые настоящие нарушители границы: ни документов, ни жратвы, ни воды. Да еще вооруженные, – Максаков кивнул на пулемет. – Того и гляди, как бы вместо ДМБ не оказаться в какой-нибудь местной африканской тюрьме... – Пантелей скорбно вздохнул и с тоской поглядел на простирающийся вокруг океан.

Глава 3

Яхта «Звезда Востока», которая сейчас плавно покачивалась на океанских волнах неподалеку от берегов Занзибара, ничем не отличалась от почти полусотни таких же судов, одни из которых тесно прижались к пирсу, другие неторопливо бороздили почти прозрачные воды лагуны. Хозяин яхты, сидящий мужчина, предпочитающий европейскому стилю национальные арабские одежды, не любил излишне афишировать ни свой образ жизни, ни тем более род деятельности. И на это у него были веские причины. Многие из укрытых в лагуне собратьев «Звезды Востока» внешне выглядели куда как респектабельнее, зато в изяществе и богатстве внутреннего убранства вряд ли какая из них могла бы потягаться с яхтой далеко не бедного сына Аравийской пустыни, как любил себя называть Омар Фаддель. Да и сам хозяин яхты не отличался склонностью к аскетизму: все десять пальцев его рук украшали увесистые перстни, инкрустированные самыми разными самоцветами, и главная гордость – платиновое кольцо с бриллиантом размером с крупную горошину.

Его гость, местный абориген Самуэль Нгомбо, напротив, всем своим внешним видом выдавал впитанную с молоком туземных матерей сорочью страсть тащить к себе и напяливать все, что блестит под солнцем: несколько разнокалиберных золотых цепей и цепочек украшали его шею и запястья рук, золотая же оправка солнцезащитных очков, блестящие браслеты, сережки, несколько колец. Нелепый, безвкусный внешний вид чернокожего дополняли цветастые одеяния, подходящие скорее манхеттенскому рэперу, чем африканскому туземцу. Клипсу себе в нос абориген, правда, пока еще не догадался вставить, но, судя по всему, дело шло именно к тому.

Омар Фаддель и его нелепого вида гость сидели на корме яхты, потягивали холодный гранатовый сок и любовались видами старого города столицы островного государства. Белые здания, выстроенные европейскими колонизаторами несколько столетий назад, сочетались с узкими улочками в арабском стиле, лавками и палатками торговцев. Особый колорит смеси европейского и арабского стилей добавляли многочисленные небольшие и невообразимо пестрые африканские базарчики, рассчитанные, скорее, не на местных жителей, а на многочисленных туристов, давно облюбовавших этот раскрученный и фешенебельный курортный остров.

В отличие от европейцев, которые в большинстве своем предпочитают отдыхать на островах и побережьях Средиземноморья, в Занзибар стекались преимущественно представители арабских стран, восточных берегов Африканского континента, Индии и даже далеких островов Индонезии. Люди эти все были далеко не бедные, и развлекательно-сувенирный туризм на острове процветал не хуже, а может быть, даже лучше, чем в Испании, Греции и Египте, вместе взятых. Так что жизнь на острове кипела почти повсеместно днем и не прекращалась глубокой ночью.

– Ну что ж, – негромко произнес хозяин яхты, прерывая томную паузу, – с помощью Аллаха, все прошло как нельзя удачно.

– Точно, – резво подхватил гость, – я и не подозревал, что русские – такие антилопы. Сами выстроили весь экипаж на палубе, приделались, как на парад, так что моим парням оставалось только подстрелить для остротки парочку морячков, а дальше все пошло как по маслу...

– Я в курсе деталей операции, – несколько грубовато прервал своего нетерпеливого собеседника Омар Фаддель, – рад, что обошлось без жертв. Ривкат! – громко позвал он, и рядом с ним тут же появился облаченный в «арафатку» и темный костюм человек, подал хозяину небольшой кейс и молча удалился. – Держи, – хозяин яхты передал чемоданчик чернокожему гостю, – это тебе за работу. Как договаривались.

Сын Африканского континента с благодарностью принял подношение, тут же открыл кейс и стал жадно тыкать пальцами в пачки долларов, которыми был доверху набит чемо-

данчик. Быстро и профессионально пересчитав купюры, он с довольным видом снова закрыл крышку, водрузив бесценный груз себе на колени.

– Как мы и договаривались, русский корабль остается тебе, – произнес Омар Фаддель, с презрением наблюдавший за манипуляциями предводителя пиратов. Араб не любил жадных людей, хотя до денег и сам был весьма охоч. Выждав паузу, он многозначительно глянул на компаньона. – Как видишь, я свое слово держу. А теперь у меня есть к тебе еще одно предложение.

– Такое же? – поинтересовался Нгомбо, любовно поглаживая лежащий на коленях кейс.

– Ты можешь заработать сумму в десять раз большую, чем эта, – ответил араб, отпив из высокого стакана холодный сок.

– В десять раз? – несколько опешил собеседник. – Сюда что, направляется американский авианосец?

– Авианосец? – не понял Омар. – При чем здесь американский авианосец?

– Ну, раз за русскую военную лоханку выложили такую сумму, то, стало быть, в десять раз больше будет стоить как раз авианосец, – разъяснил свою мысль африканец.

– Нет, – хозяин яхты отрицательно покачал головой, – ни тебе, ни твоим людям больше ничего захватывать не придется. Нужно только... – Омар Фаддель вплотную наклонился к собеседнику и тихо прошептал ему на ухо несколько фраз.

– А тебе-то от этого какая выгода? – удивленно поинтересовался Нгомбо, быстро проанализировав услышанное. – На фига тебе это надо?

– Послушай, – с мягкой иронией произнес араб, – не будь таким любопытным. Дольше проживешь. Я ведь не спрашиваю, на что ты собираешься потратить эти деньги, – Омар кивнул на кейс, лежащий на коленях гостя. – Твои деньги – твои заботы. Я сделал тебе деловое предложение и хочу услышать только «да» или «нет». А лишние вопросы мне не нужны.

– Конечно же я согласен, – с готовностью пробормотал Нгомбо, – такие деньжищи... Я так понимаю, – жадно уточнил африканец, – это будет такая же сумма, – он похлопал черной рукой по крышке кейса, – помноженная на десять?

Омар согласно кивнул.

– Только у меня одно условие... – добавил Нгомбо, несколько замаявшись.

– Условие? – недовольно переспросил араб.

– Задаток, – пояснил предводитель пиратов. – Я бы хотел получить некоторые гарантии прямо сейчас. Наличными, – уточнил Нгомбо суть своей просьбы.

– Я не таскаю такие суммы с собой, – раздраженно ответил хозяин яхты, – тем более отправляясь в море. Сойдем на берег, и через час ты получишь свой аванс.

– Через час я буду очень далеко отсюда, – приоткрыл свои планы Нгомбо. – А в качестве задатка меня вполне мог бы устроить этот великолепный перстень, – африканец ткнул пальцем в платиновое кольцо с бриллиантом. – Получу наличные – верну, – тут же заверил он готового возмутиться собеседника и для вящей убедительности добавил: – Клянусь бубном шамана!

Омар Фаддель внимательно взгляделся в лицо гостя, еле заметно усмехнулся и стал подергивать перстень, снимая драгоценность с пальца.

– Держи, – араб протянул кольцо африканцу, – и упаси тебя Аллах потерять его. – Омар жестко глянул на Самуэля Нгомбо, предупреждающе покачав головой. Что будет – араб не уточнил, но жест был настолько выразительным, что в лишних комментариях не нуждался.

Глава 4

Косые струи нудного нью-йоркского дождя оставляли на стекле огромного, во всю стену, окна грязноватые разводы.

– Распорядитесь, чтобы у меня вымыли окна, – сказал мистер Кронненберг, вдавив в столешницу кнопку селектора.

– Когда? – поинтересовалась невидимая секретарша.

– Позже, – раздраженно бросил хозяин роскошного кабинета, – сейчас мне надо, чтобы меня ничто не отвлекало. – Он глянул на широкий плазменный экран, занимавший значительную часть одной из стен его офиса-кабинета. Разделенное на четыре части изображение пестрело цифрами, графиками и диаграммами биржевых котировок, которые сменялись едва ли не ежесекундно.

Разобравшись с окнами, Бенджамин Кронненберг на несколько минут замер перед скачущими картинками, скрестив руки на груди и тщательно изучая и сопоставляя неуловимые десятые, сотые и тысячные изменившихся процентов то подскакивающих, то падающих биржевых индексов. Простояв так минут пять, мистер Кронненберг быстрым шагом вернулся к своему рабочему столу, приподнял часть столешницы, обнаружив под нею пульт управления, которому могли позавидовать даже в НАСА, и быстро забарабанил пальцами по клавиатуре, набирая только ему понятные и известные комбинации цифр и букв.

– Том, дай мне отдельно австралийский индекс «Олл Ординарис» и гонконгский «Хан Сен». Срочно. Да, и что там слышно из Франкфурта? Что значит – вниз поехал? Я работаю с цифрами. С конкретными. На сколько пунктов упал? Дай мне по немцам мониторинг за последние два часа, и каждые двадцать минут полный отчет всего биржевого движения, – добавил мистер Кронненберг, откидываясь на спинку мягкого кресла.

Империя Бенджамина Кронненберга, с головным офисом, занимающим почти половину одного из небоскребов на Уолл-стрит, была из ряда тех денежных систем, над которой никогда не заходит солнце. Происходя из семьи богатых выходцев из Германии, Бенджамин никак не желал становиться руководителем промышленного концерна. Его раздражали производство, сбыт, рабочие, зарплаты, забастовки, профсоюзы. Надо было иметь папашину силу воли, работоспособность и нервы, чтобы становиться во главе такого непредсказуемого и строптивного промышленного гиганта. То ли дело биржевой игрок. Но не просто игрок, не со скамейки запасных и даже не выдающийся нападающий, а тренер и менеджер команды одновременно. Мысль создать свою финансово-биржевую империю запала в голову Бенджамина еще в университетские годы, и после смерти родителя, став наследником огромного состояния, он переложил заботу о семейном бизнесе на плечи своего двоюродного брата, назначив его председателем и управляющим концерна, а сам, опять же не без помощи отцовского капитала, приступил к осуществлению своей давней мечты. Огромное желание, приличный багаж знаний, многолетний опыт (биржа была страстью Бенджамина) и, безусловно, соответственное финансовое вливание в течение пяти лет вознесли мистера Кронненберга-младшего на вершину финансового Олимпа, превратив до того неизвестного сорокалетнего человека в одну из важнейших фигур в мире биржевых игроков.

– Звонок по девятой линии, – офисную тишину нарушил мягкий голос секретарши.

– Я же просил... – начал было мистер Кронненберг, но тут же спохватился. Несколькоими часами ранее он сам отдал распоряжение соединять его только по этому телефону, и более ни с кем. – По девятой? – переспросил он и распорядился: – Соединяйте. – Бенджамин снял трубку дорогого антикварного телефона и мягко пророкотал, прикрыв веки: – Кронненберг. Слушаю. Отлично! Надеюсь, обошлось без жертв? Ну-у-у, раненые – не в счет. Тем более – военные. Им сам Бог и их профессия велели кровь проливать. И когда предполагаешь повернуть это

дело? Ага, великолепно. Сообщай обо всех деталях подготовки. И вообще, держи меня в курсе дела. Сам понимаешь, биржа может отреагировать на самый маленький нюанс. Даже на самую банальную сплетню или слух. А я не хочу, чтобы что-то нам с тобой помешало. Да. И тебе всего наилучшего! – С этими словами мистер Кронненберг опустил трубку на рычаг и задумался, глядя на плазменный экран невидящим взглядом. Приближалось время решительных шагов, и надо было еще раз хорошенько все обмозговать и взвесить.

Вывел Бенджамина из состояния глубокой задумчивости короткий, но громкий сигнал на пульте, сообщавший о том, что поступила запрашиваемая информация двадцатиминутного интервала о состоянии и котировках на основных мировых биржевых площадках. Мистер Кронненберг быстро пробежал глазами по столбикам цифр и, нажав одну из кнопок селектора, вызвал к себе своего помощника и правую руку Томаса Крафта, который и появился в кабинете шефа уже через минуту.

– Вот что, Томас, – протяжно произнес Бенджамин, задумчиво барабанил костяшками пальцев по столешнице, – у меня для тебя будет одно порученьце.

– Какое? – с готовностью отозвался подчиненный.

– Возьми-ка под свой контроль котировки нефтяных акций на азиатских и европейских биржевых площадках, – мистер Кронненберг глянул на своего помощника, – Америку я возьму на себя. Так вот, как только котировки упадут еще на пять-семь пунктов, а они до конца торгов обязательно должны пойти вниз, – уверенно добавил он, – начинай скупать их. Действуй через подставных брокеров и по возможности быстро, чтобы «быки» не начали тащить их вверх. Все нужно проверить максимум за пятнадцать-двадцать минут. Есть вопросы? – поинтересовался Бенджамин, глядя, как брови его помощника поползли от удивления вверх.

– Я никогда не сомневался в вашей прозорливости, мистер Кронненберг, – Томас начал с уклончиво-заискивающего тона, – и всегда удивлялся вашим способностям и умению видеть то, что скрыто от других...

– Короче, Том, – хозяин кабинета взмахнул кистью руки, – без лизоблюдства. Ближе к делу.

– Не мне вам говорить, вы и сами наверняка знаете последние данные о мировой цене на нефть, – уже более уверенно продолжал Крафт. В ответ на его слова Кронненберг кивнул подбородком в сторону огромного экрана, на котором высвечивался столбик цифр котировок на нефтяные акции. – Вы наверняка также изучили и прогнозы аналитиков? – поинтересовался он. Бенджамин, слегка улыбаясь горячности своего помощника, согласно кивнул. – Так вот, – продолжал горячиться Томас, – нынешняя цена в сорок три доллара за баррель – это еще не предел. Цены на нефть падают уже почти год. Еще прошлым летом было почти двести баксов, а сейчас стоимость скатилась почти до сорока. – И на эти доводы помощника мистер Кронненберг согласно кивнул. – Аналитики – и не только наши, но и те, знающие, мнению которых можно вполне доверять, – прогнозируют падение цен на черное золото ниже отметки в тридцать пять долларов за баррель...

– И что? – поинтересовался биржевой магнат, спокойно выслушав сентенции помощника. – Пусть себе прогнозируют.

– Да, но... – Томас растерянно посмотрел на хозяина, – мы можем потерять миллионы...

– Миллиарды, – уточнил Бенджамин, наливая себе в стакан виски. – Будешь? – он потряс перед собой полупустой бутылкой.

– Мне скотч, если можно, – попросил Томас, присаживаясь в кресло напротив.

– Скотч так скотч, – согласился мистер Кронненберг, наполняя жидкостью высокий стакан. – Видишь ли, Томас, – продолжил он, подавая напиток Крафту, – это, как тебе известно, финансовая игра. А все мировые финансовые игры – от Нью-йоркской биржи до торговли пирожками – это всего лишь обмен финансовыми рисками. Выигрывает тот, кто сумел снизить свои риски до минимума. Понимаешь?

– Да, но... нет никаких, даже малейших, намеков на то, что ситуация в ближайшее время может измениться, – возразил подчиненный. – Мировой кризис...

– Мировой кризис – это страшилка для производителей, – Кронненберг отхлебнул из своего стакана темной жидкости, – а для биржевиков он – рай. На фоне нестабильного, шатающегося рынка можно делать такие деньги, о которых пару лет назад можно было только мечтать, – Бенджамин наставительно поднял вверх указательный палец. – Просто нужно владеть кое-какой информацией, которая пока что недоступна для других.

– Неужели вы знаете, как и в какой момент котировки пойдут вверх? – Крафт выжидающе уставился на своего патрона.

– Пока еще нет, – уклончиво ответил мистер Кронненберг, – но очень на это надеюсь... В противном случае ты окажешься прав, а я стану банкротом. Ну, или что-то вроде того, – Бенджамин беззаботно пожал плечами и одним глотком проглотил добрую половину стакана.

Глава 5

– В тесноте – не в обиде, – мрачно произнес Демьянков, не зная, что еще можно сказать в такой ситуации. Стыд и позор... Позволить кучке разбойников подняться на борт и захватить корабль почти без единого выстрела! И какой корабль! Военное судно ВМФ России! Стыдоба! И не только перед командованием и русскими моряками, а на весь мир! Такой уникальный случай станет притчей во языцех. О нем будут слагать легенды и песни. Верх раздолбайства и доверчивости! Надо же, пустил в опасном для судоходства районе моря на борт каких-то ряженных попов, и не только пустил, но и не проверил, не обыскал. Более того, самолично выстроил перед пиратами по «Большому сбору» почти весь экипаж, который оказался безоружен перед бандитами, и последним ничего не стоило совершенно легко и бескровно захватить судно.

Правда, не совсем уж и бескровно. Еще на палубе налетчики ранили взводного морских пехотинцев, который попытался оказать сопротивление, да чуть позже передали запертому на камбузе экипажу серьезно раненного радиста, мичмана Панасюка. Несмотря на усилия корабельного врача, в сознание тот все еще не приходил. Да и что можно было сделать без лекарств и инструментов? Разве что пытаться сбить жар, прикладывая к телу мокрые тряпки, поскольку доктора в медблок пираты наотрез отказались пускать.

– Может, мичман успел передать сигнал бедствия? – с надеждой поинтересовался старший помощник. – Как думаешь, Александр Владимирович?

– Не знаю, – понуро отозвался командир, удрученный невеселыми мыслями, – может, и успел. Судя по его состоянию – пытался. Это уж точно. Только вряд ли. Шесть часов прошло. Если бы наш призыв услышали, уже давно кто-то был бы рядом. Кораблей тут – сам знаешь, понатыкано. А так – тишина. Ни самолетов, ни вертолетов, не говоря уже о помощи с моря. Вряд ли, – повторил Демьянков, тяжело вздохнув.

Груз вины давил на командирские плечи. Хотя в чем можно было упрекнуть капитана третьего ранга? Командованием была поставлена конкретная задача: с местными вести себя максимально гостеприимно и дружелюбно. И что же это был бы за радушный прием, если бы встреча началась с обыска гостей и конвоирования их под стволами автоматов? Демьянков просто выполнял приказ. Да и кто бы мог подумать, что у морских разбойников хватит наглости нападать на военное судно? Да и зачем?

– Может, нашим морпехам удалось сообщить о захвате? – не унимался старший помощник.

– Каким еще морпехам? – не понял командир.

– Я с утра, еще часа за полтора до нападения, отдал приказ отправить старшего сержанта Максакова с подручным на лов рыбы. Хотел экипаж ушицей к обеду порадовать, – пояснил Иван Валентинович, – они уже третий день так рыбачат.

– На чем?

– На своей пэтээске, – ответил капитан-лейтенант. – Боцкоманда сварганила им сеть, они и рыбачили потихоньку. Среди членов экипажа их нет, – старший помощник коротко кивнул в сторону притихшей команды. – Значит, бандиты их не заметили.

– Если так и получилось, то на ПТСе они доберутся до берега в лучшем случае к вечеру, – отозвался командир, – у этого транспортера скорость чуть больше десяти километров в час. Трусцой и то быстрее было бы. К тому же еще не факт, что они выберут правильный курс. Не моряки ведь. Могут напрямик в океан отправиться.

– Так-то оно так, – продолжал гнуть свою линию старший помощник, – но ведь могли и добраться? Могли и встретить в море какой-нибудь корабль.

– Могли, – со вздохом согласился командир и жестом подозвал к себе доктора. Состояние раненого мичмана сейчас беспокоило его куда больше, чем вопрос, кто и куда добрался и будет ли откуда-нибудь помощь. – Как он?

– Плохо, Александр Владимирович, – тревожно отозвался доктор, – большая потеря крови. Горячка начинается. Без лекарств до вечера может и не дотянуть.

– Дрянь дело, – командир ссутулился еще больше. Мало того, что профукал корабль, так теперь на его совести может оказаться и радист. Скажешь этим ублюдкам о состоянии раненого – наверняка добьют и сбросят за борт. На кой им лишние хлопоты? Одним больше, одним меньше... Но и сидеть сложа руки, смотреть, как умирает член твоего экипажа, тоже как-то... – Ладно, – Александр Владимирович распрямил плечи, – я по-английски хоть и не очень, но попробую с ними договориться. Человеки все-таки, не людоеды. Хотя... – он глубоко вздохнул, коротко махнув рукой. – Иван Валентинович, в случае чего – командуй. Впрочем, чем тут командовать, – тихо добавил он, направился к задраенной переборке и изо всех сил забарабанил кулаком по железу. Через некоторое время стальная дверь приоткрылась, и в узкой щели сначала показался ствол автомата, а затем и черная физиономия одного из пиратов, неторопливо пережевывающая жвачку. Одеты налетчики уже были не в скоморошьи рясы и костюмы из пальмовых листьев, а во вполне пригодную для черных униформу.

– Что? – бросил охранник, перекладывая жвачку из-за одной щеки за другую.

– У нас раненый, – начал объяснения Александр Владимирович, невообразимо коверкая английский язык, – он потерял много крови. Ему нужны врачебная помощь и лекарства.

Охранник глянул на раненого, с ног до головы осмотрел командира и захлопнул дверь.

«Докладывать пошел, – догадался Александр Владимирович, возвращаясь в компанию доктора и старшего помощника, – сейчас будем знать, что с нами всеми собираются сделать. Если мичмана добьют, то...» Капитан третьего ранга не стал вдаваться в дальнейшие перспективы команды.

Но, на его удивление, через несколько минут на камбуз вошли четверо пиратов. Двое держали экипаж под прицелом, а двое других унесли мичмана, объяснив, что помощь ему, какую смогут, окажут, хотя среди нападавших врача нет. О русском докторе они и слышать не хотели, так что командиру пришлось согласиться на такой вариант.

– Ну, вот, – облегченно вздохнул корабельный эскулап, когда раненого радиста унесли, – теперь, даст бог, Панасюк и выживет.

– Они же сказали, что врача у них нет, – возразил старший помощник, – чем они ему помогут? Вообще не понятно, зачем они его забрали. Тут он хоть среди товарищей был.

– Помогут, – уверенно ответил доктор, – врача среди них, может, и нет, но они же все не инженеры. Пираты. Наверняка кто-то из них получал ранения. И уж точно навыками первой помощи они владеют в совершенстве. Я не говорю о медикаментозном лечении, но они должны догадаться ввести жаропонижающее. А это для Панасюка – хоть какой-то, но шанс.

Еще минут двадцать прошли в томительном ожидании помощи и горестных размышлениях, после чего дверь на камбуз снова открылась, и показалась все та же жующая физиономия корсара. Но вместо ожидаемого возвращения Панасюка пират ткнул стволом автомата в сторону Александра Владимировича и спросил:

– Ты командир?

– Я, – капитан третьего ранга Демьянков встал.

– Пошли, – коротко приказал пират, чуть отступив в сторону и освободив проход.

– А где наш радист? – поинтересовался доктор.

– Кто?

– Моряк, которого вы недавно унесли, – уточнил Александр Владимирович.

– А-а-а-а, – догадливо протянул налетчик, – умер чего-то.

– Как – умер? – упавшим голосом произнес командир.

– Ребята принайтовали к ноге шкертиком железяку, и – за борт, – продолжал пират. – Пошли, – еще раз повторил чернокожий громила, направив оружие командиру в живот. – И без глупостей, – предупредил он, заdraивая стальную дверь.

«Та-а-ак, значит, все-таки не корабль им нужен, а мы, – размышлял Александр Владимирович, двигаясь по корабельным коридорам к своей каюте. Видимо, главарь банды облюбывал именно ее. – Значит, за нас, за экипаж, будут требовать выкуп. Корабль им не нужен: ни ценного груза, ни ходовых качеств у «Резвого» нет. Да и вооружение – так себе. Наверняка у этих головорезов арсенал куда как посolidнее, чем наш корабельный. Непонятно только, зачем им я? Может, уже связались с кем-то, а я нужен, чтобы подтвердить, что экипаж жив?»

– Стой, – раздался за спиной голос охранника, и Демьянков послушно остановился перед знакомой дверью своей каюты. Конвойр осторожно постучал стволом автомата в дверь и доложил:

– Привел.

После короткой паузы последовало разрешение:

– Пусть входит.

Давешний поп, который стоял на носу первой пироги и размахивал в воздухе Библией, теперь сидел за капитанским столиком, забросив на столешницу ноги. Пират был уже без рясы: в шортах до колена и белой майке, перетянутой ремнями с кобурой. Сигары незваный гость курил свои – Александр Владимирович предпочитал сигареты, – а вот коньяк был явно из командирских запасов. Псевдосвященник зачем-то перелистывал судовой журнал, хотя по выражению его лица капитан третьего ранга без труда догадался о том, что русского языка главарь пиратов не знает и понять мог разве что отдельные морские термины.

Наконец бандит заметил в каюте присутствие пленника. Он отложил книгу, сбросил со стола ноги и ласково предложил:

– Садитесь, капитан.

– Командир, – недружелюбно поправил корсара Александр Владимирович.

– Командир теперь здесь я, – бывший поп широко усмехнулся, обнажив ряд безукоризненно белых зубов, – а вы – мой гость, – уточнил он статус пленника и добавил: – Пока.

Демьянков послушно сел.

– Вы, капитан, наверное, думали, зачем нам вдруг понадобился военный корабль? – поинтересовался новый хозяин каюты, выпустив в сторону Демьянкова струю сизого дыма. Капитан третьего ранга молча кивнул. – И остановились, я так думаю, на том, что мы потребуем выкуп? – Командир снова согласно мотнул головой. – Так вот, – продолжал предводитель банды, – нам не нужен ни этот корабль, ни выкуп, ни экипаж.

– А что же вам нужно? – Александр Владимирович впервые внимательно глянул на собеседника.

– Деньги, – коротко ответил бывший ряженный священник. – Как и всяких воров, разбойников и пиратов, нас интересуют деньги.

– Но, я так понимаю, выкуп вам не нужен? – командир напомнил недавние слова пирата.

– Выкуп – это не деньги, – ответил тот развязным тоном, – тем более что за вас много не дадут. Если вообще что-то дадут за человека и экипаж, который позволил захватить себя двум десяткам пиратов на пирогах, – чернокожий бандит расхохотался, видимо, довольный своей хитростью, позволившей захватить судно. – Нам нужен не выкуп, а деньги. Большие деньги, – многозначительно добавил новый командир корабля, – и вы нам поможете их получить.

– Я? – искренне удивился Демьянков.

– Вы. И ваша команда, – уточнил главарь банды. – Только прошу вас, не надо произносить пафосные слова о присяге, о долге, о чести офицера и тому подобной мути. Мы – как вы нас называете – пираты, воры и разбойники. Для нас не существует таких понятий, как «честь» и «совесть». А вот ради денег мы готовы выпустить кишки кому угодно. – Предводи-

тель замолчал, пристально глядя на командира и давая ему немного времени поразмыслить и оценить, в какой ситуации он оказался и с кем имеет дело.

– Я слушаю, – произнес Александр Владимирович, почти не разжимая губ. Нет, он не забыл о присяге и чести. Ни прислуживать им, ни вымалывать у этих подонков жизнь он не собирался. Во всяком случае – для себя. Но подставлять вот так сразу шею под нож тоже было делом никудышным. К тому же за ним были члены его экипажа, а от командования его покамест никто не отстранял. Поэтому Демьянков справедливо рассудил, что предложение бандитов следует хотя бы выслушать. А вдруг найдется хоть какая-нибудь зацепка и негодяев все-таки удастся перехитрить?

– Итак, к делу, – в знак расположения пират придвинул командиру коробку с сигарами, но Александр Владимирович отрицательно покачал головой. – У нас к тебе и твоим парням хорошее предложение, – начал главарь, – в случае вашего согласия гарантируем жизнь, свободу и много-много денег.

– А если нет? – поинтересовался Демьянков скорее для проформы. Что их могло ждать, он и сам прекрасно догадывался. Пират широко развел руки в стороны и пожал плечами, подтверждая этим жестом предположения командира. – А что с нашим раненым товарищем? – поинтересовался капитан третьего ранга.

– К сожалению, умер, – бандит наигранно опечалился, – ему мы помочь не смогли. А вот жизни остальных членов экипажа зависят уже только от вашего решения... Итак?

Глава 6

– Берись за весла, камрад, – негромко приказал Курочкину Пантелей, выключая двигатель, – дальше пойдем своим ходом.

– Товарищ старший сержант, тут до берега еще добрых три километра, – тоскливо возразил подчиненный, с неохотой принимая весло в намозоленные руки.

– Точно, – согласился Пантелей, – только нашу тарактелку услышат и за пять. Тишина-то какая... И красота...

И действительно, африканская ночь выдалась на удивление живописной. На корабле такого не увидишь. Во-первых, судно не подходило близко к берегу, а во-вторых, постоянно тарактят корабельные машины и света много. Стоишь на палубе, как в световом коконе, и вокруг видишь только густую черноту да тусклые звезды. Здесь было совсем по-другому. Глаза обоих морских пехотинцев уже давно привыкли к темноте и теперь ясно видели прибрежные контуры, пальмы на фоне черно-синего неба, лунную дорожку, идущую в океан, поблескивающие вершины небольших мокрых скал и небо, усеянное огромными незнакомыми звездами, свисающими так низко, что, казалось, встань на носочки, протяни руку, и можно дотянуться до них кончиками пальцев.

– Слышал? – шепотом спросил Пантелей, чему-то счастливо улыбаясь, и кивнул в сторону берега, от которого доносилась пестрая какофония голосов африканских птиц и животных. Казалось, что ночь для джунглей – это самое бурное для жизни время суток, когда все разнообразие африканской фауны только-только и начинает просыпаться. – А ты хочешь мотор завести. Спугнем местную дичь – она такие вопли поднимет – мама дорогая! И пока мы дойдем до берега, то там нас уже наверняка будут ждать.

– Кто? – наивно поинтересовался Курочкин.

– Кто-кто... Дед Пихто. Ясное дело, что не львы и леопарды, – пояснил старший сержант, – те от грохота нашего советского двигателя вмиг обделаются и драпанут так, что не скоро тут опять объявятся. А вот люди – существа любознательные. – Старший сержант старательно орудовал веслами. – Особенно, если у них есть оружие. Обязательно поинтересуются, что это за папуасы к ним в гости пожаловали. Ладно, все, помалкивай, – наставительно приказал Пантелей, – и постарайся создавать меньше шума. Не шлепай так по воде. Черт его знает, что тут у них за живность водится. Может, и рыбы-сигнализаторы есть...

Почти в полной тишине плавающий транспортер подошел к берегу и стал неторопливо двигаться вдоль его кромки, подыскивая укромное место для швартовки. Наконец ПТС приоткнулся в небольшом песчаном гроте. С берега плавсредство заметить было почти невозможно, если только знать, где искать. А вот с моря...

– Идеальных убежищ не бывает, – вздохнул Пантелей, осторожно опуская за борт якорь, – на первое время сойдет и это. Ну что, салага, – Пантелей глянул на измученного подчиненного, – пока темно, предлагаю сделать вылазку. Днем это будет сложнее сделать.

– Куда? – тихо поинтересовался Курочкин.

– На твой законный вопрос, Григорий Сигизмундович, я могу ответить так: хрен его знает, – отозвался Максаков. – Может, у тебя есть какой-нибудь план?

– Нету, – честно признался подчиненный.

– Правильно, – согласился с ним Пантелей, – и у меня нету. А знаешь почему?

– Никак нет.

– Потому что здесь не может быть никаких, на хрен, планов, кроме одного: найти какой-нибудь город, поселок, дом, хоть что-то, где есть средства связи, и сообщить кому только возможно о произошедшем. Короче, вали туда, не знамо куда, и сделай то, хрен знает что. – Пантелей тяжело вздохнул. – Но и сидеть здесь сиднем – последнее дело. Как говорит наш взвод-

ный: «Движение – жизнь, остановка – смерть». Курочкин, – обратился он к подчиненному, – ты имеешь хоть какое-нибудь представление, что это за местность? Джунгли или просто пальмы на берегу растут? Может, там дальше пустыня?

– Не знаю, товарищ старший сержант, – тоскливо отозвался подчиненный.

– А язык-то у этих аборигенов какой? Кроме, естественно, аборигенского.

– Если это сомалийский берег, то, скорее всего, итальянский, – блеснул познаниями Григорий. – Сомали – бывшая итальянская колония. Но, думаю, и английский поймут.

– Да мне один хрен, что английский, что итальянский, – решительно произнес Пантелей, доставая из форменных брюк тюбик и намазывая лицо маскировочным кремом, – разберемся.

– Я знаю английский, – с готовностью предложил свои услуги Курочкин, которому страшно не хотелось оставаться одному.

– Нет, рядовой, – решительно приказал Максаков, – ты останешься и будешь дожидаться меня здесь. Гриша, – более мягко произнес он, – стань за пулемет и руби в капусту все, что подойдет к тебе без пароля ближе, чем на пятьдесят метров.

– Без какого пароля? – не понял Курочкин.

– А щас мы с тобой и придумаем, – предложил старший сержант. – «Салабон». Годится?

– А отзыв? – поинтересовался чуть повеселевший Григорий.

– «Дембель», – с ходу сымпровизировал Максаков. – И не дрейфь, Григорий, я быстро. Мотнусь только в сторону вон тех огоньков, – старший сержант указал направление, где и в самом деле сверкало несколько далеких точек, – может, там поселок какой. И тут же назад.

– А как же английский? – не унимался Курочкин.

– Понадобится переводчик – я вернусь, – разрешил дилемму Пантелей, – поэтому, что бы ни случилось, сиди здесь. А то ищи тебя потом по всей Африке! – С этими словами от тихо скользнул за борт и направился в сторону далеких огней.

– А оружие? – всхлипнул вслед Курочкин. – Товарищ старший сержант, у вас же нет никакого оружия...

– Я сам себе оружие, – донеслось из темноты.

Григорий еще несколько секунд видел силуэт Максакова, который быстро растворился в ночи. Некоторое время слышались шаги Пантелея, который пробирался по воде к берегу, затем стихли и они. Осталась только ночь, полная таинственных африканских звуков.

Несмотря на усталость, спать Грише не хотелось. Нервное напряжение было настолько велико, что слух и зрение новобранца, казалось, обострились невероятно. На всякий случай Курочкин отошел от пулемета. Мало ли чего может произойти в таком его состоянии. Плюхнет, к примеру, под бортом транспортера хвостом рыбина, мгновенный нервный импульс опередит соображалку, и прежде чем сам Григорий что-нибудь поймет, он уже выпустит в воду половину обоймы. А сидеть надо было тихо. Не в том они положении, чтобы выходить на берег с транспарантами, кричать «SOS!» и требовать помощи. Еще неизвестно, куда их занесло. Может, в самое сердце пиратского логова...

Вдруг Григорий услышал, что к разнообразию ночных звуков добавились новые, отчетливые и... Ну, точно! Это явно люди, и они то ли дерутся, то ли пытаются поднять что-то тяжелое. Какие-то уж больно натужные выкрики. И как раз в той стороне, куда направился старший сержант Максаков. Уж не попал ли...

Два последовавших один за другим выстрела не оставляли никаких сомнений. Это стреляли явно не ночные охотники. Точнее, может, и они, но охотились они не на дичь, а на товарища старшего сержанта. А если убили?!

Курочкин моментально выскочил из транспортера в теплую воду. Приказ Пантелея он помнил, но... А если его командир ранен и не может передвигаться самостоятельно, кто ему поможет? Если живой – что ж, пусть отругает, а если мертвый, то и наказывать будет некому. А сидеть здесь в неизвестности и ждать неведомо чего Григорий больше не мог. Он быстро

и шумно зашагал туда, откуда только что раздавалась стрельба. На берегу Курочкин тоже не стал маскироваться и осторожничать, а со всех ног, не разбирая дороги, бросился на выручку Максакову. Гриша не сомневался в том, что его товарищ ранен или убит. Что может сделать безоружный человек против пистолета? Ничего. Тем более, когда его обнаружили. А Пантелея наверняка засекли, иначе зачем и, главное, по кому тогда открывать пальбу?

Внезапно чьи-то сильные руки схватили Курочкина за шиворот, сильно дернули вниз и повалили на землю, моментально зажав рот.

– Ну ты носорог, – прошипел склонившийся над рядовым Пантелей, – за километр тебя слышно. – Он отпустил Григория, все еще зажимая ему ладошкой рот. – Давай-ка, как нас учили: без лишнего шума. Я, конечно, наследил, – с досадой добавил старший сержант, – выстрелы наверняка слышали, но иначе не получалось. Надо же мне было как-то вступить с местным населением в контакт, – он двинулся по направлению к небольшой опушке, – а эти дебилы, как только меня увидели – сразу за оружие хвататься... Пришлось поговорить с ними по-русски. Так что английский пока не пригодился, – он указал на двух неподвижно лежащих амбалов.

– Товарищ старший сержант, – с уважительной оторопью прошептал Курочкин, – это вы их? Один?

– Нет, с папой Карло, – насмешливо ответил Пантелей.

– Безоружный? – допытывался Салабон.

– Они как-то не шибко интересовались, есть у меня волина или нет, – пояснил Максаков, – а у меня времени не было объяснять, что я простой, мирный российский моряк. – С этими словами он привстал, двумя короткими ударами ножа отрубил от свисающей лианы кусок и бросил подчиненному: – Держи. Вяжи того, – кивком Пантелей указал на дальнего бандита, – а я этим займусь. – Он перевернул второго охранника на живот, закинул ему руки за спину и стал умело орудовать прочным и податливым растением.

– Товарищ старший сержант... – начал было Григорий, но Максаков нетерпеливо перебил его.

– Все вопросы, салага, после будешь задавать. А сейчас у тебя норматив по связыванию и выносу языка в расположение нашего ПТС. Я тут недалеко огоньки видел, – пояснил Пантелей, – наверняка их «малина» или что-то вроде того. Выстрелы там однозначно слышали, так что с минуты на минуту здесь будут их корешки. По-хорошему, надо бы мне дожидаться их, схорониться где-нибудь в кустиках да перещелкать этих любопытных тварей поодиночке. – Максаков встал, забросил за спину трофейный «М-16» и с сожалением добавил: – Только вот не знаю, сколько их будет, да и твоей головой рисковать не хочу. Ладно, хватай, коль уж приперся! – С этими словами Пантелей взвалил на плечи тушу одного из пленников, показывая пример подчиненному. – Хоть какая-то от тебя польза будет. А «язык» нам сейчас позарез нужен. Может, что-то и узнаем. Хотя бы куда нас с тобой занесло...

Тяжело ступая, Пантелей двинулся в сторону недалекого моря. Следом безропотно увязался и его подчиненный.

Глава 7

Старший сержант оказался прав. Не успели морские пехотинцы протащить пленных и несколько сотен шагов, как позади них громко зазвучала непонятная речь, заклацали затворы автоматов и меж деревьев замельтешил с добрый десяток огоньков.

– Да не трясись ты так, – негромко произнес Максаков, тяжело отдуваясь, – до нас им не добраться.

– А следы? Могут же по следам нас найти, – возразил Курочкин, которого, несмотря на жаркую африканскую ночь, то ли от страха, то ли от нервов бил крупный озноб.

– Ночью даже хорошему следопыту тяжело разглядеть хоть что-то, – успокоил своего подчиненного Пантелей, – а за нами гонятся обычные головорезы, а не следопыты. Так что если ты перестанешь на все джунгли клацать зубами, то через десяток минут мы доберемся до нашего транспортера. Море уже рядом, – он кивнул в сторону шума недалекого прибоя. – Давай, салага, поднажми.

Слава богу, что тащить до ПТСа пленников не пришлось. Морская водичка быстро привела «языков» в чувство, и под прицелом автомата конвоируемые быстро и безропотно добрались до скрытого за скалой плавсредства.

– Утром до нас доберутся, – сообщил старший сержант, когда все четверо поднялись на борт ПТС. – При солнышке только слепой не увидит наших следов. Так что надо отсюда убираться, – констатировал Максаков, доставая весла, – и подальше.

– Опять грести, – жалобно простонал Гриша. Он вытянул вперед ладони с сорванными в кровь мозолями, словно преступник, ожидающий, когда на него наденут наручники.

– Зачем нам? – озорно откликнулся Пантелей. – Рабы для нашей галеры у нас теперь есть. – Он протянул пленникам по веслу, сел у дальнего борта и направил на них автомат. – Арбайтен! Бистро! Бистро! Гребите, вашу в печень мать! – прошипел он на международно-понятном языке, сделав несколько характерных движений прикладом, словно работал веслом, но пленники только испуганно сверкали в темноте белками глаз. Видимо, максаковское познание иностранных языков было им незнакомо.

– Берите весла и гребите, – раздалась за спиной у Пантелея довольно чистая английская речь. – В какую сторону грести, товарищ старший сержант? – Курочкин перешел на русский.

– На север, – оторопело скомандовал Максаков, подчиненный тут же повторил приказ по-английски, и оба бандита, согласно закивав, с готовностью принялись плескать веслами о воду.

– И хорошо ты балакаешь на языке нашего вероятного противника? – поинтересовался Пантелей с долей зависти.

– Прилично, – скромно отозвался подчиненный.

– Ага. Ну и ладненько. Сейчас мы быстренько проведем дознание. Давай-ка, карась, на мое место, а я у пулемета стану. – Он встал, уступая свою позицию Григорию. – Щас мы этих упырей пытать будем. Спроси-ка у них, что они ночью делали в джунглях?

Курочкин перевел вопрос, выслушал ответ, снова спросил, еще раз выслушал, опять чем-то поинтересовался.

– Эй-эй, карасяра, – грозно перебил беседу Пантелей, – ты о чем это с ними балакаешь? Советуешь им, как драпануть? Я хоть по-английски ни бельмеса не понимаю, но кумекаю так, что на мой короткий вопрос должен быть такой же короткий ответ.

– Так точно, товарищ старший сержант, – с готовностью отозвался Курочкин, – я просто экономлю ваше время. Они сказали, что охраняли поселок. Это, вероятно, те самые огни, которые мы видели в джунглях.

– Что за поселок? Пиратский?

– Никак нет, – ответил за пленных Григорий. – Они – контрабандисты. И поселок, соответственно, их, контрабандистов, пристанище. Или, как вы выразились, «малина».

– Ты, давай, не умничай, – сурово предупредил подчиненного Пантелей. – Спроси, может, они чего-нибудь слышали о нашем корабле и ребятах.

– Вряд ли, – с сомнением произнес Курочкин, – контрабандисты и пираты – профессии разные.

– Хрен редьки не слаще. По мне, так они одним дерьмом извасюканы, – вынес свой приговор Максаков. – Гляди, чтобы эти птахи пиратам, которые наших братков повязали, оружице втихаря не подкидывали. Контрабандой. Ты поинтересуйся. Да не стесняйся, – посоветовал Пантелей, – пни там которого в лодыжку, чтоб поразговорчивее были.

Бить по голени Курочкин никого не стал. По всему было видно, что пленникам скрывать было нечего, поэтому тараторили они с удовольствием, перебивая друг друга.

– Ну, и чего они там начирикали? – снова поинтересовался Максаков, в очередной раз перебивая затянувшийся симпозиум.

– Говорят, что знают не только о том, что наш корабль захватили пираты, но также и кто это сделал. Говорят, банда под предводительством некоего Нгомбо. По местным меркам – предводитель всех здешних корсаров или что-то вроде того.

– Пахан, значит, – задумчиво произнес Пантелей. – Место указать могут?

– Могут, – после короткого вопроса подтвердил Курочкин.

– Вот что мы сейчас с тобой сделаем, – заговорил Максаков после непродолжительных размышлений. – Сейчас мы наших стукачей свяжем и ляжем поспать. Надо нам с тобой отдохнуть хоть малость. Ночи здесь короткие, а утром их приятели-контрабандисты по нашим следам выйдут на берег, поймут, что у нас есть вельбот или что-то вроде того, начнут рыскать по морю и нас рано или поздно вычислят. Поэтому от нашего транспортера придется избавиться. Этих, – Пантелей небрежно указал головой на пленников, – возьмем в проводники и до места стоянки «Резвого» пойдем пешком.

– Товарищ старший сержант, – попытался робко возразить Григорий, – их же там человек двадцать – двадцать пять, не меньше.

– Ну, двадцать пять – это не двадцать шесть, правильно? – резонно возразил Максаков. – Оружие у нас теперь тоже есть, так что на месте разберемся. Нам братков по-любому выручать надо, – невесело добавил Пантелей. – Получится или нет – это уже другой вопрос. А без корабля нашего мы тут точно пропадем. Ты спроси, может, они чего слышали про российское посольство?

– Но, – коротко пролепетали пленники.

– Вот и я говорю, что «по», – вздохнул Максаков, – а партизанить по джунглям мы с тобой можем до скончания века. Так что давай-ка спать. Через два часа меня разбудишь, – и, улегшись прямо возле пулемета, Пантелей моментально уснул.

Ровно через положенный промежуток времени Курочкин разбудил своего командира, но спать сразу не лег.

– Товарищ старший сержант, – обратился он к Пантелею, сонно моргая тяжелыми веками, – пока вы спали, я с нашими пленными побеседовал. Они нам помощь предлагают.

– Какую еще помощь? – Максаков сладко потянулся. – И так до корабля доведут. А иначе я их быстро отправлю крабов кормить.

– Они предлагают помочь освободить «Резвый», – пояснил Григорий.

– С чего бы это, – Пантелей недоверчиво посмотрел сначала на подчиненного, потом на связанных «языков».

– Они этого местного пиратского главаря, – поправился Курочкин, – ненавидят лютой ненавистью. Говорят, весь их бизнес из-за этого Нгомбо псу под хвост. Мол, пираты свой

барыш имеют, а из-за них сюда понагнали конвоев, и заниматься контрабандой стало почти невозможно.

– И по этой причине предлагают свои услуги? – саркастически поинтересовался Максаков.

– Так точно, – подтвердил подчиненный.

– Бизнес накрывается медным тазом, – усмехнулся Пантелей. – Самим разобраться с этим Нгомбой – кишка тонка, поэтому решили дождаться, пока вблизи их лагеря появятся двое российских морпехов, чтобы окончательно и бесповоротно склонить чашу весов в свою пользу?

– Ну, они так не говорили, – Курочкин растерянно пожал плечами, – но, очевидно, что-то вроде того.

– Ладно, боец, спасибо за информацию, – поблагодарил подчиненного Пантелей, – и давай-ка спи. До рассвета пара часов осталась. А я пока покумекаю над твоими словами.

Два часа на сон – это, конечно, мало, а вот чтобы подумать – на это времени вполне достаточно. А поразмыслить старшему сержанту Максакову было над чем.

Бегать без соответствующего снаряжения по джунглям – занятие само по себе малоприятное. А уж когда у тебя на хвосте висит полтора десятка контрабандистов – и подавно. Они ведь не успокоятся до тех пор, пока не найдут тех, кто обнаружил их лежище. И им абсолютно по барабану, кто это: пираты, местная армия, полиция или российские моряки. Они будут упорно искать соглядатая, потому как если упустят его, то через пару часов в лагерь контрабандистов могут целой толпой пожаловать непрошенные гости. Это как пить дать. Поэтому при всех хитрых маневрах Максаков не сбрасывал со счетов упорную погоню. Это – раз.

Во-вторых, все местное население, скорее всего, стучит либо контрабандистам, либо морским разбойникам, либо и тем, и другим. А встречи с ними в мытарствах по джунглям вряд ли удастся избежать.

В-третьих – пленники. Это два лишних нахлебника. Можно, конечно, их и шлепнуть, но убивать вот так вот – за здорово живешь – Пантелей не мог. Значит, придется их таскать с собой, что малоприятно, особенно если у узников будет одна мысль – кокнуть конвоиров и сбежать или хотя бы подать сигнал друзьям.

Было еще и в-четвертых, и в-пятых, но все сводилось к тому, что единственный разумный выход на данный момент состоял в том, чтобы довериться пленникам. Естественно, приняв все необходимые меры предосторожности. Сколько Максаков больше ни ломал голову, но другой альтернативы не находил. Поэтому, едва забрезжил рассвет, он поднял Курочкина и, указав на пленников, сказал:

– Так, Жора, скажи им, чтобы вели нас к своим. Только без глупостей. Растолкуй браткам, только четко растолкуй, что если случится какая заварушка, то первые две пули – для них, – и Пантелей красноречиво помахал стволом автомата перед лицами контрабандистов.

Спустя несколько минут транспортер причалил к поросшему кустарником берегу, и Пантелей умело замаскировал ПТС ветками. Плавсредство могло еще и пригодиться, да и за уютную матчасть могли спросить, когда своих освободят. При мысли о предстоящей атаке на пиратов старший сержант тяжело вздохнул, поправил на плече оружие и неторопливо двинулся в заросли зонтичной акации.

Глава 8

Нынешнее утро в торговом порту Адена ничем не отличалось от сотен предшествующих: бригады стропальщиков и портовых рабочих разгружали и загружали десятки сухогрузов, контейнеровозов, нефтеналивных судов и танкеров, вдоль длинного пирса сновали многочисленные юркие автопогрузчики, гордо поднимали свои головы портовые краны, переноса в клювах огромные запечатанные ящики и контейнеры. Многочисленные члены разноязычных экипажей спешили кто на берег – отдохнуть и размяться после многодневного плавания, кто на свои суда. Пестроту корабельных флагов, представляющих чуть ли не весь мир, красноречиво дополняли празднующие таможенники да верблюды местных торговцев, которые пытались всучить морякам свой товар прямо у сходней. Рядом с административными зданиями и огромными складами теснились небольшие лавочки торговцев восточными кушаньями, которые готовили свою снедь прямо здесь же, на открытом огне, не обращая никакого внимания на запреты пожарных и привлекая иностранцев специфическими и острыми запахами восточной кухни. Базар и порт Адена давно уже слились в единый, хаотичный на первый взгляд, организм, который жил по своим, только ему ведомым, законам.

Среди этой утренней толчеи никто не обращал ни малейшего внимания на легковушку-пикап, которая осторожно пробиралась вдоль причалов, умело лавируя между людьми, заваленным горами грузов пирсом и хаотично снующей портовой техникой. Сама машина была ничем не привлекательна, да и эмблема конторы местного судового оператора, которая красовалась по обоим бортам пикапа, позволяла легковушке спокойно соваться практически в любые уголки многокилометрового порта.

В самом автомобиле сидели три человека: укутанный в местные одеяния Омар Фаддель, его водитель и Фаттих – правая рука и верный помощник небедного сына Аравийской пустыни. Пока Омар покуривал и пускал дым в чуть приоткрытое стекло, Фаттих, сидя рядом с водителем, колдовал у небольшого прибора, который на первый взгляд напоминал помесь небольшого телевизора, стационарного анализатора воздуха и счетчика Гейгера.

Поисковый луч-разверстка однообразно наяривал круги под пристальным взглядом молчаливого Фаттиха, не проявляя, однако, никакой активности. Так продолжалось уже около часа: машина медленно катила вдоль пирса, Омар Фаддель курил, а его помощник не отрывал глаз от мечущегося по кругу зеленого луча. Но когда пикап поравнялся с сухогрузом «Виктория», ситуация в салоне легковушки поменялась кардинальным образом.

– Это здесь, – Фаттих произнес первые за час с небольшим слова, указав на стоящий под либерийским флагом корабль.

– Ты уверен? – Омар выпустил последнее колечко дыма, выбросил сигарету на разогретый бетон и поднял стекло.

– Абсолютно, господин, – помощник чуть повернулся в сторону сирийца, по-восточному вежливо поклонившись. Затем он отодвинулся в сторону, насколько позволяли размеры салона, дав своему хозяину возможность лично глянуть на монитор радара. Луч и в самом деле довольно сильно изменил свою конфигурацию, а сам прибор стал издавать негромкое, но частое попискивание. – Если только сейчас в порту нет еще одного судна с грузом, похожим на тот, который мы ожидаем, – добавил подручный сирийца и замер, ожидая дальнейших распоряжений.

– Вряд ли такое возможно, – Омар Фаддель с сомнением покачал головой, – хотя и такой вариант нам исключать не следует. Слишком многое поставлено на карту. Вот что, Фаттих, – продолжал он после короткого раздумья, – добудь мне все, что касается этого корабля: судовой журнал, состав и количество членов экипажа, судовую декларацию – все, что можно достать за пятьдесят тысяч долларов, – с этими словами восточный магнат достал из-под одеяний

небольшой кожаный мешочек и бросил его на колени помощника. – Золотом. Я подожду тебя здесь, – добавил он и вооружился небольшим биноклем, давая понять, что разговор окончен.

– Слушаю, повелитель, – мягко ответил подручный и уже через минуту скрылся среди нагромождения портовых грузов.

Разглядывание «Виктории» не дало Омару ничего интересного. Да он, собственно, ничего такого особенного и не ожидал увидеть. Фаддель рассматривал корабль, скорее, как хищник, который готовится к броску на свою жертву у водопоая. А вот документы, которые через четверть часа доставил ему Фаттих, были весьма интересны, и сириец принялся жадно их изучать.

Порт приписки – кипрский, судовладелец – грек, ходит под либерийским флагом, команда – с миру по нитке: двадцать восемь человек. Четверо из них – вьетнамцы, восемь турок, один поляк, три русскоязычных латыша и двенадцать индусов. Капитан – наемный британец.

Судно явно находится в «долгом фрахте». Сначала из Японии в Австралию доставили автомобили. Короткая стоянка, разгрузка-загрузка, потом из Австралии на Шри-Ланку повезли баранину и масло, из Шри-Ланки в Иран – ценную древесину, а из Ирана везут какие-то контейнеры с промышленным оборудованием. Что в них – непонятно. Названия и маркировка есть, а что это – станки, узлы к ним или еще что-то – поди, разберись. Да и кому это разбирательство нужно? Экипажу фиолетово – заказы есть, работа есть, платят хорошо. Что еще моряку надо? Тем более что половина членов экипажа попросту не понимает друг друга: разные языки, разные культуры. Так, худо-бедно общаются по службе на ломаном английском...

Ничего подозрительного. Сейчас во всех морях сколько угодно таких судов с подобными командами. Нанял на один-два рейса – распустил. Набрал следующих. Команда довольна – платят, хозяин доволен, и никто ни в чьи дела нос не сует. Идеальный вариант. В Аденский торговый порт судно зашло для пополнения запасов продовольствия и замены фильтров опреснителей – тоже весьма банальная причина. Ничего противозаконного.

Была, правда, в судовых документах одна небольшая зацепочка, которую Омар Фаддель заметил сразу: груз из Ирана сопровождали полтора десятка вооруженных охранников. Казалось бы – тоже ничего особенного. И такое случается на гражданских судах, особенно если принять во внимание то, что пиратство сейчас процветает почти по всему Индийскому океану, а не только у сомалийских берегов. Это уж на откуп владельца. Ценный груз – раскошеливайся на охрану, а алюминий в болванках никаким пиратам и даром не нужен.

Только вот пока Омар ждал в кабине пикапа своего помощника, он рассмотрел в бинокль нескольких человек из этой охраны и, как человек опытный в этих вопросах, сразу определил, что сопровождают груз иранские вояки из корпуса «Стражей исламской революции». Понятное дело, что стороннему человеку и в голову не придет поинтересоваться, что это за конвой такой. Охрана – и охрана. Только человек, который хоть немного разбирается в подобных вопросах, а Фаддель был именно из таких, мог бы задать вопрос: «А что это за такой груз перевозит «Виктория», если охраняют его почти двадцать вооруженных до зубов ребят из элитного иранского подразделения?»

Небедный сын Аравийской пустыни довольно улыбнулся, отложил документы в сторону и достал телефон спутниковой связи.

– Это я, – произнес он после короткой паузы, – все идет так, как и должно идти. Наш груз на «Виктории», – сообщил он невидимому собеседнику. – Абсолютно уверен. Сейчас передо мной лежат копии судовой декларации и... Как откуда? – Омар удивленно пожал плечами. – Учусь у вас, уважаемый. Деньги в нашем мире по-прежнему еще значат о-о-о-очень много. Завтра утром отходят, сейчас ждут лоцмана. Охрана – иранцы. Судя по всему, из корпуса «Стражей исламской революции». Ведут себя очень настороженно, но это вас не должно никоим образом смущать. И если наш с вами общий черный друг... Что? Да, я имею в виду

Нгомбо. Так вот, если он ничего не напортит, а пока что все, что от него требовалось, он сделал правильно и точно, согласно нашему плану... так вот, если задуманная операция и дальше пойдет, как говорится, без сучка и задоринки, то всего через несколько дней мы все станем весьма и весьма состоятельными людьми... Да, конечно, я контролирую. О прохождении каждого буду докладывать лично. И вам удачи. Всего хорошего.

Омар Фаддель отложил телефонную трубку в сторону и довольно потер руки.

Глава 9

– Александр Владимирович, я вас правильно понял? – старший помощник «Резвого» удивленно смотрел на своего командира. – Нам предлагают стать на сторону пиратов?

Демьянков молча кивнул, давая понять, что старпом правильно понял суть его недавнего разговора с предводителем пиратской шайки.

– Но ведь это же... – Кузавко возмущенно пытался подобрать нужное слово, – это... нарушение присяги, воинского долга...

– Знаю, – устало перебил старшего помощника Александр Владимирович, – только выбор у нас невелик. Посмотри туда, – командир коротко кивнул в сторону экипажа, – сколько мы тут протянем? А среди нас есть и раненые. Радист Панасюк убит. Ладно, Иван Валентинович, – командир глянул на старшего помощника, – пригласи сюда командиров боевых частей. Только без лишнего шума. Посоветаться надо...

Через минуту почти весь офицерский состав малого десантного судна «Резвый» собрался плотным кружком возле своего командира. Невесело оглядев своих помощников, Александр Владимирович негромко начал:

– Товарищи офицеры, я только что имел разговор с предводителем шайки, которая захватила наше судно. Пока что я ничего не обещал, предупредив, что должен посоветоваться с экипажем. Вот теперь я с вами и советуюсь. – Командир тяжело вздохнул и продолжал: – Суть беседы сводилась к следующему: или мы выполняем условия пиратов, или нас... – Александр Владимирович сделал паузу. – Или нас расстреливают.

– А какие у них условия? – тихо поинтересовался один из офицеров.

– Наш экипаж в полном составе и под российским флагом конвоирует судно. Какое – я пока не знаю. Его нам укажут позже. После его проводки нас отпускают. В противном случае... Командир ненадолго замолчал, после чего продолжил: – Прошу вас не спешить с ответом. Я не хуже вас понимаю, что это не делает чести ни мне, ни вам, ни Андреевскому флагу. Но за нашими спинами – восемнадцати- и девятнадцатилетние пацаны, за жизни которых перед их матерями отвечаю и я, и вы. Прежде чем высказаться, посмотрите на них. – Офицеры послушно оглянулись на изможденных мальчишек. – Наш радист – мичман Панасюк уже погиб. – Александр Владимирович на секунду стиснул губы и снова заговорил: – У нас с вами не голосование, но ваше мнение я бы хотел знать. Начнем со старшего помощника. Иван Валентинович, что вы думаете по этому поводу?

– Не знаю, товарищ командир, – тихо произнес Кузавко. – Измена Родине никому чести не делает, но ради экипажа можно было бы пойти и на такую подлость. Только...

– Смелее, товарищ капитан-лейтенант, – настойчиво подбодрил подчиненного Демьянков, – не в женской бане находимся, тут нам в стыдливость играть ни к чему.

– Я не уверен, что после того, как мы выполним требование пиратов и отконвоируем их судно, они нас все равно не пустят в расход, – закончил свой доклад старший помощник и, пожав плечами, добавил: – Зачем мы им нужны? Лишние свидетели.

– Я согласен со старшим помощником, – подал свой голос командир боевой части два. – Они и так уже наломали столько, что пожизненное им всем светит: захват судна, заложников, убийство... Мы им нужны, чтобы провести их судно так, чтобы не вызвать ни у кого подозрений. А как только мы это сделаем, нас отправят на дно кормить крабов. И потом, – добавил офицер, – неизвестно, что за груз перевозит это судно. Коль уж это пиратское отребье решилось напасть на военный корабль для того, чтобы безопасно провести его в нужное место, то понятное дело, что на нем не сахар и не макароны везут.

– Я не знаю о составе груза, но тем не менее вашу точку зрения я понял и благодарю, – ответил командир. – У кого еще есть какие-нибудь соображения? – Александр Владимирович

оглядел собравшихся вокруг офицеров. Подчиненные молчали. – Никаких? Ну что ж, товарищи офицеры, благодарю вас за вашу честность, порядочность и готовность умереть, не изменив присяге, – подвел итог короткому совещанию капитан третьего ранга. – Теперь попрошу выслушать мое мнение. Я предупреждал вас, что мы с вами собрались не для голосования. За ваши жизни отвечаю я, и решения на этом корабле принимаю я. Поэтому согласны вы или нет, но... Приказывать не буду, – Александр Владимирович немного смягчил тон, – но с условиями пиратов надо согласиться. Тихо, тихо! – капитан третьего ранга слегка приподнял вверх руку с раскрытой ладонью, призывая уgomониться взъерепенившихся подчиненных. – Поверьте, что мысль о сотрудничестве с этими бандитами неприятна мне не в меньшей, а может быть, даже в большей мере, чем вам. Но есть одно обстоятельство, за которое можно не просто уцепиться, а держаться за него до последнего.

Выждав, пока офицеры уgomонились, командир продолжил:

– Наш радист, мичман Панасюк, убит. За последние шесть часов никто из членов команды, кроме меня, отсюда не выходил. Время нашего выхода на дежурный сеанс связи уже давно прошло. А поскольку ни кодов, ни шифров, ничего другого бандиты от меня не требовали, можно смело предположить, что в штабе нашего командования если еще не забили тревогу, то не на шутку переполошились. И, чем больше проходит времени, тем серьезнее беспокойство там, – Александр Владимирович неопределенно ткнул пальцем за спину, произвольно указав на местоположение Большой земли. – Поэтому, как ни странно, но каждая минута нашего вынужденного заточения нам на руку. Это первое. Далее. Как вам известно, корабль – не иголка, особенно военный, который, как наш, оснащен системами спутниковой связи. Так что найти «Резвый» большого труда не составит. Все опять же упирается во время. Это второе. И последнее, – командир перевел дух, вытер тыльной стороной ладони струившийся по лбу пот и продолжил: – Даже если в ближайшие часы нас не обнаружат и не придут на помощь, я все равно буду настаивать на том, чтобы подчиниться требованиям пиратов. – Командир замолчал, глядя на офицеров, но те тоже безмолвствовали, внимательно внемля речи Александра Владимировича. – И на это у меня есть несколько причин. Я согласен с тем, что независимо от того, выполним мы условия бандитов или нет, живыми они нас не выпустят. И не призываю ни вас, ни экипаж этим требованиям подчиняться.

– То есть как это, Александр Владимирович? – удивленно поинтересовался старший помощник.

– Я призываю вас поиграть в согласие, – пояснил командир. – Сейчас каждый из вас вернется к своим подчиненным и расскажет о требованиях пиратов. Мы не вправе ничего скрывать от матросов. Экипаж будет беспрекословно подчиняться бандитам, но только до поры до времени. Оружия нам, конечно, не дадут, но у нас будет одно преимущество – русский язык. Вряд ли эти морские бродяги его знают. По моему сигналу мы попытаемся вернуть наш корабль себе.

– А если не получится? – поинтересовался один из офицеров.

– А если не получится, тогда каждый будет спасаться, выпрыгнув за борт. Возможно, хоть кому-то удастся спастись, – невесело произнес Александр Владимирович. – А пока что нам надо возможно дольше потянуть время, и это на данном этапе наша с вами главная задача. Возражения есть? – Александр Владимирович осмотрел присутствующих, с радостью отметив про себя, что даже такой план пассивного действия его подчиненным куда больше пришелся по вкусу, чем трусливое соглашение с корсарами. – Если нет, тогда давайте подумаем, как нам подольше задержаться на месте.

Глава 10

– Стой! – зловеще прошептал Курочкин, и оба пленника послушно замерли.

– Ты че, салага, никак в паханы метишь? – глаза Пантелея удивленно округлились. – Еще раз полезешь поперед батьки, не посмотрю, что земляк, похороню под первой попавшейся пальмой, – грозно пообещал морской пехотинец.

– Товарищ старший сержант, – испуганно отозвался Григорий, – я никуда не лезу. Просто вот этот, – подчиненный указал на одного из пленных контрабандистов, – сказал, что впереди их кордон. Где – они точно не знают. Так я и решил остановиться, чтобы не рисковать. А то кто этих контрабандистов знает? Увидят, что мы их напарников под стволами ведем, – начнут еще сдуру стрелять не разбирая, кто свой, а кто – чужой...

– М-м-м-молодец, Григорий, – Максаков удовлетворенно кивнул, – зачет тебе, морпех. Значит, делаем так... – Пантелей на несколько секунд задумался. – Один остается с нами – вернее, здесь, с тобой, – я схоронюсь недалече, в пределах видимости, а этого, – старший сержант указал на одного из пленных, – посылаем вперед, договариваться со своими братками.

– Развязать его? – поинтересовался Гриша.

– Зачем? – в свою очередь удивился Пантелей. – Больно жалостливый, что ли?

– Да нет, – Курочкин едва заметно пожал плечами, – просто, если его товарищи застанут своего дружка связанным, вряд ли они проникнутся к нам расположением.

– М-м-мда? – промычал Максаков, обдумывая слова подчиненного. – Ну, ладно, валяй, развязывай, – согласился он с доводами напарника, – нам от этого ни холодно ни жарко, а эти чмыри, может, и в самом деле нас в свои корефаны запишут. Да, и напомни этому выродку, что русские не сдаются, или что-то вроде того, – напутствовал Курочкина Пантелей, пока подчиненный снимал с пленника путы. – Так что если эти гвардейцы захотят с нами повоевать, то на легкую победу пусть не рассчитывают. Я лично с собой на тот свет добрый десяток заберу, – зловеще пообещал старший сержант, бесшумно скрываясь в темноте.

– Ступай, – Григорий снял с запястий контрабандиста веревки и несильно подтолкнул его в спину стволом автомата, – и для вас же будет лучше, если мой друг не станет применять оружие, – перевел он предупреждение Пантелея, подыскивая взглядом более удобное для возможной обороны место.

Пленник скрылся в чаще, и на несколько минут наступила тишина, прерываемая только резкими звуками просыпающихся птиц и зверей. Утро уже было не за горами. Еще через десяток минут в глубине леса раздались гортанные крики.

– Готовься, Гриша, – Пантелей беззвучно вырос из темноты перед укрытием Курочкина, – минут через двадцать у нас будут гости. Ты сиди здесь и глаз с него не спускай, а я пойду вперед, если что – встречу. Эх, через полчаса совсем светло станет, а при свете мы долго не повоюем. Ну, да ладно. Бог не выдаст, свинья не съест. Ты вот что, – тихо пробормотал старший сержант, – как кто-то появится, подожди пару минут и только после этого выходи. Я бы и сам, да языками не владею, разве что кроме вот этого, – Пантелей встряхнул в воздухе «АК-74», – так что переговоры придется вести тебе. И будь спок, не нервничай. Ежели что, пропадать вместе, а это нам всегда успеется. Я выйду только по твоему знаку.

– Какому?

– Ну, рукой махни или просто позови, – отозвался Максаков, – я буду рядом. Все, Жора, давай, – и так же бесшумно, как и появился, старший сержант скрылся среди негустых зарослей лиан.

Курочкин сжал автомат так, что костяшки пальцев побелели.

– Это – для тебя, – пообещал Гриша, воткнув перед собой широкое лезвие трофейного ножа, – я человек мирный...

Как и всякий восемнадцатилетний пацан, помирать он не хотел, однако прекрасно осознавал, что если вдруг контрабандисты окажутся настроены враждебно и завяжут бой, то шансов выжить не будет никаких ни у него, ни у его напарника. И дело тут было даже не в количественном превосходстве противника. Просто никто из них не знал ни местности, ни даже страны, в которой оказались морские пехотинцы, не говоря уж о том, что помощи ждать им было решительно неоткуда. Так что бой будет длиться ровно столько, насколько хватит двух снаряженных магазинов...

– Эй, рус! Рус! – В неширокой прогалине появился давешний парламентар, размахивая высоко поднятыми руками. – Рус! – крикнул он еще несколько раз и замолчал, внимательно разглядывая посветлевший лес. Как и приказал Максаков, Григорий выждал около минуты и осторожно приподнялся из-за своего укрытия.

– Рус! Рус! – обрадованно закричал бывший «язык» и резво направился к морскому пехотинцу. Покидать свое убежище Гриша не спешил, прекрасно понимая, что за деревьями скрываются его компаньоны-стрелки. Мысль, что в его, Гришкину, голову сейчас направлены несколько стволов, заставила Курочкина содрогнуться, но он тут же взял себя в руки и жестом подозвал переговорщика к себе.

– Я встретился с Агадубебе, – торопливо начал контрабандист, едва только оказался в укрытии.

– Кто это? – поинтересовался Григорий.

– Наш старший, – ответил бывший пленник. – Он восхищен мужеством русских моряков...

– Морских пехотинцев, – не без гордости поправил Курочкин.

– Да-да, морских пехотинцев, – поддакнул «язык», – и приглашает вас в нашу деревню.

– Товарищ старший сержант! – Григорий довольно зычно позвал своего командира и сделал примирительный жест, успокаивая встрепенувшегося контрабандиста.

Максаков появился почти тотчас же.

– Вот, в гости приглашают, – сообщил Григорий, кивнув на парламентаря. – Некий Агадубебе. Командир их, или что-то вроде того, – пояснил Курочкин.

– Какие гарантии? – в свою очередь поинтересовался Пантелей.

– Никаких, – перевел ответ бывшего пленника Григорий. – Или мы тут разворачиваем войнушку, или полагаемся на их слово.

– Логично, – согласно кивнул Максаков.

– Что логично, товарищ старший сержант? – удивленно вскинул брови подчиненный. – Полагаться на слово бандитов?

– Ты вот что, натуралист, следи за базаром, – предупредительно повысил голос Пантелей. – Слово братвы ничем не хуже, чем твоих долбанных министров. Так что сиди и не вякай. Или у тебя есть другие варианты?

– Никак нет, – от такого наезда Григорий немного стушевался.

– Значит, делаем так. Коль уж братва приглашает – пойдём. Открыто, оружие – стволами вниз, – начал инструктаж Максаков, – без суматохи и паники. Спокойно. Нож засунь в рукав – вот так, – Пантелей умело укрыл лезвие за манжетой. – Это на крайний случай. Чуть что – хоть парочку с собой прихватим. Я иду со своим, ты – со своим в пяти метрах позади. Все, тронулись.

Все четверо поднялись и неторопливо двинулись в сторону прогалины. Дойдя до места, парламентар остановился и что-то грозно прокричал.

– Спокойно, – остановил подчиненного Максаков, – дернешься сейчас – башку враз снесут. Че он проорал-то?

– Не знаю, – тихо ответил Курочкин, – не по-английски. Наверное, на каком-то своем африканском наречии.

– Ладно, постоим, подождем, – распорядился Пантелей, осторожно спустив ручку ножа в ладонь.

Ждать, однако, пришлось недолго. Через десяток секунд из-за деревьев показалось около десятка вооруженных людей.

– Гутен морген, – поздоровался Максаков, широко улыбаясь, – как жизнь молодая?

Вместо ответа один из контрабандистов указал стволом своего автомата на еле заметную тропу, указывая, куда надо идти.

– Ладно. Только раз уж нас пригласили в гости, то оружие останется при нас, – сообщил Максаков, по-прежнему широко улыбаясь. – Переведи, напарник, – приказал он Курочкину, по-прежнему сжимая в ладони рукоять ножа.

– Они согласны, – сообщил Григорий после коротких переговоров.

– Вот и отлично, – Пантелей еще раз обнажил зубы в широкой улыбке, – тронулись.

Минут через двадцать неторопливой ходьбы морские пехотинцы, сопровождаемые довольно внушительной охраной, вступили в поселок контрабандистов. По правде сказать, ни Максаков, ни тем более Курочкин не предполагали, что столкнутся с такой убогостью. Никто, конечно, не ожидал увидеть роскошь, блеск и излишества избалованных богатством людей, но то, что предстало глазам морских пехотинцев, могло разочаровать любого. Убогие хибары, сколоченные то из жести, остатков разбитых катеров, а то и вовсе из картона или из плавника, тощая мелкая домашняя скотина, изможденные собаки, какие-то испуганные женщины, с головы до самых пят закутанные в давно не стиранные, потрепанные одежды.

– Странный какой-то поселок. Прямо как в «Пиратах XX века», – тихо пробормотал Григорий, удивленно рассматривая прелести местного обитания. – Такое ощущение, что эти молодчики всех мужчин повырезали, а женщин превратили в рабынь...

– Ты сколько человек заметил, кроме наших конвойных? – негромко поинтересовался Пантелей, внимательно изучая расположение хижин.

– Я? Я не считал, – честно признался Курочкин.

– Ты их уклад оставь для них, – посоветовал Максаков, – а сам собери глаза в кучу и наблюдай. Свои советы по поднятию местной экономики будешь потом давать. Если у тебя, конечно, кто-то об этом спросит.

Их подвели к одной из хижин, которая ничем не отличалась от остальных, и приказали остановиться. Внутри хибары вошел один из охранников. Через несколько секунд он снова появился на пороге и жестом пригласил россиян войти. Пантелей указал на автомат, но контрабандист отрицательно качнул головой.

– Ладно, обойдемся ножами, – пробормотал старший сержант, послушно оставляя оружие у входа, – хотели бы шлепнуть, уже давно пришили бы. А так сейчас познакомимся с местным паханом, а заодно послушаем, что он нам скажет.

Однако вопреки опять-таки всем ожиданиям заправилой местным рынком контрабанды оказался не накачанный мышцами гигант и не увешанный золотыми цепями голован. Всем бизнесом заправлял преисполненный собственного достоинства тщедушный, с торчащими костями чернокожий старичок, побитый во многих местах сединой.

– Вот это перец... – удивленно прошептал Пантелей, застыв на мгновение в дверях. – По всему видать, дела у местных идут не очень.

Местный главарь меж тем дружелюбно указал на небольшую циновку, расстеленную в углу, жестом приглашая русских гостей присесть. Оба соотечественника заняли предложенные им места.

– Кофе? – учтиво осведомился старик, жестом приказав принести напиток. В темном углу хижины тут же что-то зашевелилось, и оттуда появилась закутанная в лохмотья женщина. Она поставила кофе перед гостями и так же безмолвно удалилась на свое место.

– Поблагодари, – Пантелей слегка подтолкнул подчиненного локтем, – спроси, как дела, как здоровье. Давай, поддерживай беседу. Че сидишь, как истукан? Может, и пожрать предложат.

Поесть морским пехотинцам действительно предложили, и в ходе короткого ужина выяснилось, что, как и предполагал Пантелей, дела у контрабандистов действительно в последнее время идут неважно. Мало того, что его соплеменники-пираты обложили поселок данью, так морские разбойники в поисках наживы теперь иногда совершают рейды прямо сюда. Им ведь тоже сейчас несладко. С прибытием в Аденский залив сил международной коалиции спокойная жизнь закончилась и у пиратов, и у контрабандистов. Их нередко принимают за пиратов и топят. Да и маскироваться теперь приходится куда тщательнее. А вот морские разбойники вместо того, чтобы стать более разборчивыми и осторожными, предпочитают грабить местное население. Понятное дело, что так безопаснее, только ведь и о людях надо подумать. И так вокруг неспокойно, а если еще начнется война между поселками...

– Слышь, Гриша, спроси у него, что он реально от нас хочет, – Пантелею изрядно поднадоело жалобное нытье старика, да и еды больше не предлагали, – и чем он нам может, в натуре, помочь.

– Так вот, – продолжил Курочкин, – он говорит, что если мы поможем контрабандистам переправить партию беженцев в соседнюю Эретрию, откуда их доставят через Ливию в Италию, то они в свою очередь помогут нам попасть на итальянский фрегат, откуда мы сможем связаться с кем угодно, в том числе и с нашим флагманом.

– За кого он нас держит? – Пантелей возмущенно стряхнул с одежды последние крошки. – Не хватало еще тихоокеанским морпехам участвовать в таких сомнительно пахнущих делишках. – На лице Максакова появилась злорадная улыбка. По всему было видно, что он с удовольствием устроил бы в этом забытом богом поселке классический погром. Однако гостеприимных хозяев обижать он не хотел. Да и выбирать заброшенным на чужбину россиянам особо было не из чего: нет никакой связи, солярка в ПТСе на исходе, да на транспортере далеко не уйдешь, НЗ давно съеден... А у контрабандистов все это есть в избытке. – Гриша, поинтересуйся у этого местного пахана, на кой ляд мы ему вообще нужны? Мы ж ни местности не знаем, ни языка, да и за негров нам никак не сойти. Какие из нас контрабандисты?

– Он говорит, – после короткого обмена репликами сообщил Григорий, – что у него очень мало людей.

– Это-то я как раз заметил, – согласился Пантелей. – Ладно, скажи этому козлу, что мы, ну, типа, согласны... Стой, «козлу» не переводи! Да, и скажи, что оружие, которое мы захватили у его людей, при нас остается. И еще одно условие: ночевать мы будем в своем транспортере. Не хватало мне еще перед дембелем привезти отсюда африканский триппер или еще что похлеще...

– Они согласны, – перевел Григорий короткий ответ.

– Ну, вот и ладушки, – Пантелей поднялся и шагнул к выходу. Следом за ним поспешил и Курочкин.

Глава 11

– Ну давай, показывай свою добычу, – Самуэль Нгомбо дружелюбно улыбнулся своему подручному – Хиджаму Фаруху, – не каждый ведь может похвастаться тем, что заарканил не какой-нибудь контейнеровоз, а самое что ни на есть военное судно!

Сам Нгомбо уже давно отошел от рискованных наскоков на гражданские суда, хоть и начинал свой путь, как большинство сомалийцев, рядовым пиратом. Изворотливый ум, а главное, фантастическое везение позволили сомалийцу всего за несколько лет сколотить собственную банду, которая довольно успешно орудовала на море. А еще через три года под руководство Самуэля Нгомбо попали еще шесть пиратских кланов. Так что теперь изворотливый и удачливый пират мог пожинать плоды своей деятельности, не пускаясь в авантюрные нападения лично, а снимать сливки, не выходя из своего роскошного домика. Впрочем, руководить несколькими шайками отъявленных головорезов было тоже делом довольно хлопотным. Поэтому сомалиец помимо того, что иногда лично планировал операции по нападению и указывал, какие суда следует атаковать, всегда осматривал захваченный груз, устанавливал размеры выкупа, распоряжался судьбами пленных и попутно решал еще целый ворох проблем, связанных с таким нелегким пиратским бизнесом. Одним словом, сомалиец постоянно держал руку на пульсе событий, не давая особо распускаться своим до зубов вооруженным молодчикам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.